

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

Лихая звезда

Далия Мееровна Трускиновская

Лихая звезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23932528

ISBN 9785448512315

Аннотация

История про то, как город оккупировали банды вампиров, ведущие между собой кровавые, а как же иначе, разборки, и про то, как с бандами справился обычный шофер маршрутного такси. Хотя повесть Далии Трускиновской «Лихая звезда» населена всяческой нечистью, но ее герои вполне узнаваемы! А читать эту лихо закрученную историю очень увлекательно и забавно, хотя и жутко...

Содержание

Лихая Звезда	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лихая звезда

Даля Трускиновская

© Даля Трускиновская, 2017

ISBN 978-5-4485-1231-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лихая Звезда

Последний задремавший пассажир был разбужен и выставлен уже на кольце. Там стояли четыре машины – все желтые и размалеванные рекламой. Шофера курили под фонарем – ждали, пока подъедет Арчи.

– Ты когда завтра на маршрут выходишь? – спросил Антон Серегу. – Если я в семь тридцать, а Сашка – в семь сорок три, то следующий – Рома, а ему с утра к врачу, кровь сдавать натошак. И получается, что в восемь ноль пять выходить некому, вот, смотри...

Он показал нарочно прихваченное расписание в целлофановом кармашке, где пометил свой собственный график зеленым фломастером, аккуратными кружочками.

Антон очень любил не просто порядок соблюдения, а красиво его соблюдение. У него и в машине все было по уму – коробочка с походным инструментом опрятная, чехол на сидении и занавеска, отделяющая от салона, подобраны по цвету. Толковый был мужик, что и говорить, притом без занудства, умеющий любое недоразумение с графиком уладить так, что все довольны.

– Тогда я могу выйти в восемь десять и потом на кольце подождать, – предложил Сашка. – Он же к половине девятого уже вернется?

– Залезайте, – позвал Арчи. Он в очередь с Петровичем

развозил товарищей по домам – во втором часу ночи транспорт не ходит, а на такси денег не напасешься.

Желтая маршрутка, уже без номера, понеслась по ночным улицам. Арчи остановил ее у нужного подъезда. Это было совсем не вовремя – у шоферов как раз завязалась очень полезная беседа о ремонте правой двери, которую сволочи-пассажиры чуть ли не с корнем вырывают.

– Ну, пока, – сказал Антон и выскочил на тротуар.

Маршрутка унеслась.

Спать оставалось – всего-ничего, но зато следующий рабочий день был последним, а потом – двое суток совершенно свободны. Они были назначены для рыбалки – хорошей, полноценной рыбалки.

Шоферить на маршрутке Антону нравилось – публика садилась приличная, не склочная, с иными и разговор затевался приятный. И можно было по-всякому химичить с графиком, меняться, выгадывать несколько выходных подряд. Ему пришлась по душе эта арифметика; комбинируя, он ощущал себя асом, ловил кайф от причудливых, изысканных и точных решений.

Он, проведив взглядом маршрутку, уже предвкушал поздний ужин – большой бутерброд с сервелатом, кружку горячего чая с вареньем. И – спать, спать, спать! Антон, к счастью, умел засыпать сразу, только ткнувшись носом в подушку. Чего не досыпал ночью – добирал на работе, когда выходили получасовые паузы.

Подъезд был с кодовым замком. Антон нажал первую кнопку и услышал топот. Какой-то дядька, выскочив из-за угла, неся к нему с хорошей спортивной скоростью.

Понимая, что дядька бежит по каким-то своим неотложным делам и обращать на него внимание не надо, Антон нажал две следующие кнопки и толкнул дверь. В этот самый миг дядька, поравнявшись с ним, толкнул его в дверной проем и сам прыгнул следом.

Дверь захлопнулась.

Антон был крепкого сложения и духом не слаб. В молодости немало дрался; убедился, что побеждать страх и терпеть боль может не хуже любого иного сильного мужика, и угомонился, тем более, что приспела пора жениться. Брак не заладился, жена заболела манией величия – бизнесмена ей подавай! И ушла-таки к бизнесмену – этот Асаф держал на соседнем базаре прилавки с зеленью и орехами. Антон остался один, но знал, что это – ненадолго, вокруг вертелись свои же, таксопарковские дамы.

Так что он повернулся к странному дядьке с намерением разобраться и заранее сжал кулаки.

– Тоха, – сказал запыхавшийся незнакомец. – Не узнал? Да я же это!..

В дверь забарабанили.

– Кто – ты?

– Да Миха же... узнал? Нет?

– Миха? Васильев?

– Ну?!

– Миха! Ох ты... А я думал, ты в Грецию слинял, что-то такое говорили...

Антон распахнул бывшему однокласснику объятия, но тот отстранился.

– Потом, потом. Пошли к тебе.

– Кто это тебя гонял?

– Да так, одни... Я у тебя до рассвета посижу. Ты во сколько встаешь?

– Рано. За мной в без четверти семь заезжают. Так что извини – я сразу спать лягу.

– И хорошо. Я уходить буду – дверь захлопну.

– Уходить?

– Да, где-то в шесть.

Те, что барабанили, образумились и пропали.

– Идем, – сказал Антон.

Миха явно был сильно напуган – попросил свет на кухне не зажигать, чтобы с улицы не засекали окно. Чай пили наощупь. Антон рассказывал о работе, об однокласснице Танюхе, которую вез как-то через весь город, так что вдоволь с ней наговорился. Миха как-то больше отмалчивался. Сказал, что работал в охранной фирме, там случились непонятки, часть охранников попросили уйти; потом работал телохранителем у какого-то банковского клерка, страдавшего, наверно, манией преследования. Но от кого и почему удирал – не признавался. Потом же и вовсе выдал:

– Тох, у тебя спальня изнутри запирается?

– Нет, а че?

– Плохо. Ну, ты что-нибудь придумай. Стулья, что ли, перед дверью поставь... или вот! Тахту подтащи. Пусть тахта дверь держит.

– Это еще зачем?

– Надо.

– Думаешь, эти твои вломятся? Так нам тогда лучше вдво-
ем в спальне лечь. И забаррикадироваться.

– Нет, в спальне будешь ты один. Не спорь. Так умнее.

– Блин, ты в своем уме, Миха? Ночью тахту к дверям та-
щить, потом от дверей!

– Сделай, как я сказал. Так надо, понимаешь, надо! Так –
надо! И вот что...

Миха снял с шеи шнурок, на шнурке висела черная флеш-
ка.

– Вот это возьми, спрячь. Если я... если, ну, ты понял...
В общем, никому не отдавай. И сам туда не заглядывай. Уни-
чтожь.

– Да ты в ЦРУ, что ли, завербовался?

– Хуже. Ну, иди, ложись. Только дверь завали чем-нибудь.
А я – тут, на диване. В шесть, если все будет хорошо, уйду.

– И меня разбудишь?

– Ну, разбужу.

– И мне в шесть утра баррикаду разбирать?

Антон уже начал сердиться.

– Слушай, так надо, – Миха был неумолим. – Я в шесть уйду, и ты меня никогда больше не увидишь. Не могу я тебе ничего объяснить, понимаешь? И давай ложиться, а то ты вообще не уснешь. Оно тебе надо?

Словом, уговорил.

Антон подтащил тахту к двери, открывавшейся в спальню, загородил проем и уложил на ту тахту девяносто восемь кило веса. Будильник он поставил на без пяти шесть.

В это время в спальне еще было темней, чем у негра в желудке. Проснувшись от гнусного писка, Антон зажег свет и оттащил тахту. Потом он распахнул дверь.

Миха уже встал с дивана, зажег на кухне свет, чтобы вскипятить воду для кофе, и как раз стоял лицом к этой самой двери. Тут-то Антон и увидел наконец его лицо.

Оно раздалось вширь, поросло страшным черным волосом. И ноздри разъехались, и углы рта. Губы у Михи сделались лилово-красные, будто намазюканные помадой. Из-под верхней напоззали на нижнюю два желтоватых клыка.

Антон не мог бы объяснить, как у него в руке оказалась табуретка. Вроде стояла у самого шкафа – и сама в руку прыгнула, что ли? Он замахнулся и застыл, готовый сию секунду треснуть Миху по голове.

– Ну вот, – сказал тот. – Теперь ты знаешь. Дурак я... надо было сразу уходить, а теперь...

– Эт-то что т-т-такое?.. – спросил Антон.

– Влип я, Тоха. Я, честное слово, не хотел, чтобы ты знал!

И дверь тебе велел закрыть... ну, мы же за одной партой сидели...

– А если бы я не задвинул дверь тахтой?

– Ох, не спрашивай... Когда накатит – ничего не соображаешь, а я третий день в дороге... нельзя было, понимаешь, я держался. Если бы увидел тебя спящего – мог и не сдержаться. Ты прости.

– Уходи, Миха, – сказал Антон. – Уходи, Бога ради. А то и я не сдержусь.

– Да бей хоть кувалдой. У меня теперь череп в пять сантиметров толщиной, наверно. Только если разозлишь – плохо будет. Мы ведь действительно теряем соображение. Опомнишься – пасть в крови, у ног покойник... Спасибо тебе за все – и кинь мне флешку. И пойду я.

– Как же ты? – не решаясь опустить руку с табуреткой, спросил Антон. – Как ты живешь с этим?

– А знаешь, неплохо живу. Раньше у меня перспективы не было – ну, охранник и охранник, на старости лет в сторожа бы пошел. А теперь у меня перспектива, если не буду клювом щелкать. Я уже себя зарекомендовал. Справлюсь с заданием – пойду на повышение.

Это звучало сильно загадочно.

– Ты иди, Миха, а флешку я тебе в окно кину. На тебя смотреть страшно.

– Ты меня больше не увидишь. А что помог – погоди...

Миха полез в карман, достал какой-то кожаный мешочек,

высыпал на стол монеты, отделил две, остальное припрятал.

– Это золото. У нас между собой расчеты только золотом. Мы в расчете?

– В расчете, – ответил Антон, не сводя глаз с Михиной физиономии. Насчет пяти сантиметров вампир, наверно, приврал, но все равно – поди разбери, что там под торчащей волосней.

– Ты не обижайся. Ну, удачи!

С тем Миха и вышел из квартиры.

Антон приоткрыл окно и бросил ему флешку. Флешка была ловко поймана в кулак, шнурок накинут на шею. Теперь можно было прилечь еще на час.

Заснуть Антону удалось без четверти семь. А без пяти, разбуженный звонком, он чувствовал себя снятым с виселицы висельником – ноги подгибаются, глаза не открываются, руки не слушаются, тело куда-то влачится помимо рассудка. Хорошенькое начало рабочего дня...

На автозаправке он влил в себя чуть ли не поллитра крепкого черного кофе. Тогда только малость пришел в чувство.

В половине второго ночи, оказавшись дома, он отключил телефон и завалился спать с намерением проснуться ближе к обеду. Ни о какой рыбалке речи уже не было – рыбалка требует умиротворенно-созерцательного настроения, чтобы побудка ни свет ни заря – и та была в радость. Антону же казалось, что обрадовать может лишь одно – двенадцать часов полноценного сна.

Поскольку он был мужик хозяйственный, то мог не выходить из дому в выходной – продуктов в холодильнике хватило бы на несколько дней. Так что в первый он просто спал, ел и смотрел боевики. На следующий день вздумал заняться хозяйством – накопилось всяких прорех. А вот к вечеру решил все же прогуляться до «Финетты». Это было занятное местечко с живым нефильТРованным пивом, куда заглядывали хорошие знакомые – дядя Леша из мебельного магазина, Толик из поликлиники, Тищенко из пиццерии. Там и женщины появлялись – любительницы пива, но не поодиночке, а с подружками. Кое с кем можно было договориться и продолжить общение в иной обстановке – с Верочкой, скажем, которая уже года три была Антону доброй приятельницей, или с Ксаной.

– Тох, не оборачивайся, – прошептал дядя Леша, когда они уже с четверть часа просидели у стойки. – Тебя пасут...

Антон аж подскочил на круглом высоком табурете.

– Кто?!

– Тихо. Две классные телочки. Я их тут еще не встречал. Прямо затылок тебе сверлят.

– Мне?!

– Ну, не мне же. На кой я телочкам сдался?

Дядя Леша напрашивался на комплимент: ну, ты еще ого-го! В свои пятьдесят шесть он был крепким дядькой без малейших признаков лысины и даже почти без морщин – с годами лицо стало рельефнее, и только.

Антону было очень интересно – кто бы мог им заинтересоваться? Он встал и прошел в туалет – только для того, чтобы, возвращаясь, окинуть быстрым взглядом телочек.

Они впечатляли!

Одеты обе были почти одинаково, в облегающие черные костюмчики с коротенькими жакетами, в белые блузки с защипами на груди. Обе носили маленькие галстучки – такое элегантное ретро. Прически у них тоже были стильные – у одной короткая стрижка с нарочно оставленной длинной прядью, выложенной надо лбом волной, а у другой каре совершенно геометрической формы, с острыми уголками, достоящими почти до рта. И губная помада у телочек – одинаковая, очень темная...

Таких – с безупречной кожей, с идеальным макияжем, с безукоризненным маникюром, – Антону доводилось видеть только на обложках толстых глянцевых журналов. Подружки, бегавшие в «Финетту», были куда как попроще. И он, как только что дядя Леша, задал себе разумный вопрос: «на кой я телочкам сдался?»

– Не звать же их к нам за стойку?.. – неуверенно спросил он дядю Лешу.

– Захотят – сами придут.

И точно – рядом с высоким табуретом Антона был один свободный, и телочка с длинной прядью вскоре на него взобралась. Антон ощутил головокружительный аромат – такой, что глаза сами закрываются, а губы, наоборот, приоткрыва-

ются.

В «Финетте» наливали главным образом пиво, хотя в витрине за спиной у бармена Кости стояла целая коллекция причудливых бутылок – виски, джин, бренди, коньяки всех стран и народов. Телочка изящным пальчиком указала на «Реми Мартен», потом отчеркнула коготком на фужере, сколько налить. Взяв фужер в нежную фарфоровую ручку, повернулась к Антону и посмотрела ему в глаза.

Что было дальше – он плохо помнил. Что-то буркнул дяде Леше, сполз с табурета, наугад достал из кошелька бумажки и, не считая, положил на стойку. Телочка пригубила коньяк – вот только губки у нее были сомкнуты, и хотя жидкости в фужере стало чуть меньше, было непонятно – всасывает она коньяк, что ли? Потом она, не размыкая губ, улыбнулась Антону, и он понял: все, пропал...

Такого с ним отродясь не бывало.

Когда он открывал дверь, чтобы пропустить телочку, она быстро к нему прижалась. Антона обожгло, он только не понял – жаром или холодом. Руки сами вцепились в телочкины плечи, и Антон чуть было не начал целовать свое подозрительное приобретение при всем честном народе. Да и красавица была не против, но рядом оказалась ее подруга, чьи черные сверкающие волосы облегли головку бесподобным каре. Подруга чуть ли не оттащила телочку и прошипела какое-то сердитое слово – но ее лицо осталось неподвижным.

На улице было уже темно. Антон, подхваченный с двух

сторон красавицами, влекся домой, не чуя под собой ног. Его хмельная голова парила в ароматных облаках.

Он нажал на кнопки кодового замка, телочки проскользнули первыми. Потом он открыл дверь своей квартиры, и они мигом оказались внутри. Антон задумался – вроде бы ему нужна только одна, что же делать со второй? Но размышления оказались короткими и бесполезными.

Он обнаружил себя на тахте, приходящим в чувство после долгого поцелуя. Голова кружилась, нижняя челюсть отправилась в автономное плаванье. А гости шелестящим шепотком переговаривались:

– Под шкафффффом понюхххххай....

– Чшшшшшш...

– За шшшшшшшторами?..

Над Антоном нависло бледненькое личико.

– Не трожжжжжж, ишшшшшшиии... – донеслось из угла.

Но личико приблизилось и темные губки наконец приоткрылись.

Антон не назвал бы это настоящими клыками – зубки были заточены под кошачьи клыки-иглопочки, тонкие и длинные, сверкающие острыми граням. Это были подлинные произведения искусства – как и все во внешности телочек. Если бы перед первым и роковым поцелуем Антон не закрыл глаза – то раньше увидел бы кошачьи клыки, испугался и хотя бы заорал. А сейчас у него не было даже сил пошевелиться.

– Ссссаааа выпьешшшшшшь? – спросила клыкастая очаровательница незримую подругу.

И тут в окошко влетел камень.

Звон стекла несколько взбудрил Антона. Его даже хватило на то, чтобы скосить глаза туда, где вываливались из разбитого стекла острые осколки. И он почти не удивился, увидев в дыре голубоватую рожу.

– Кажись, не опоздал, – басом сказала широкая щекастая рожа. – А ну, кыш отсюда! Вот я вас! Ишь! Разлетелись!

Разборка с телочками была вне поля зрения Антона. Он только слышал визг и шлепки, надо полагать – оплеухи. Наконец телочки отступили и сбежали.

– Ф-фух! – сказал спаситель. – Дай-кошь я к тебе присяду. Вот славно, что успел. Глядишь, и впрямь бы выпили.

Антон беззвучно произнес «спасибо», но был понят.

– Ты полежи и, главное, не бойся, – спокойно говорил гость. – Я сытый. Нарочно, выходя в дозор, поужинал. Я вот почему приперся-то. Мне флешечка нужна. Девки-мурки ее не нашли – и чудненько. А мне ты ее отдашь. Ты ведь парнишечка неглупенький. Молчи, не напрягайся, я сам все за тебя скажу. Майкл, когда просил тебя флешечку получше спрятать, не сказал, что там на ней записано. А он ведь – гонец, он ее по тайному дельцу нес. Только выследили дурачка. Так что отдай, будь ласков, потому что Майкл за ней уж не вернется. Выпили, сволочи, нашего Майкла... и съели... А флешечки при нем, видать, и не нашли... Но мы не лыком ши-

ты, мы их гонца изловили, и он сказал, что Майкла до твоего дома гнали, а вот от тебя он утречком ушел уже без флешечки... Так-то... Спорить ведь не станешь?...

– Я... ему... ее... отдал... – еле выговорил Антон.

– Непонятно выходит, дружок. Если ты ему ее отдал – то отчего же они, когда дурачка нашего завалили, при нем ее не нашли?.. – тут гость задумался. – Вот что, покормлю-ка я тебя. А то, вишь, совсем дохлый. Будешь знать вперед, как с мурочками целоваться. Мурочки – они хитрые и нашего брата ловят – квакнуть не успеешь, как ты уж и выпит...

Хозяйничал гость быстро, споро, толково. Разом поспели яичница, бутерброды с колбасой, горячий и крепкий чай. Подперев Антона подушками, гость выпоил ему с полкружки сладчайшего чая, и тогда только Антон обрел способность жевать.

Поскольку спаситель, в свете явно не нуждавшийся, ради Антона включил люстру, то можно было разглядеть его во всех заковыристых подробностях. Желтоватый свет, упав на голубоватую рожу, вовсе не сделал ее зеленой, напротив – она обрела те белизну и сочный румянец, какие свойственны добрым молодцам на картинках в детских книжках с русскими сказками. Голубизна, впрочем, кое-где осталась – на висках, под ушами. Нос был репкой, улыбка – от уха до уха. На правой щеке и подбородке – шрамы, как от когтей. В левом ухе – золотая серьга кольцом, сантиметров пяти в поперечнике. Волосы, расчесанные на прямой пробор, оказались

соломенного цвета и вились на концах. Широченную грудь облегла цветастая косоворотка, подпоясанная не кушаком, а тонким тросом, намотанным в дюжину витков, а с концов свисали прочные крюки (тут Антон понял, как спаситель добрался до окна). Еще за трос были заткнуты узорные рукавицы. Руки у него были такие, что ладонь накрыла бы большую блинную сковородку. На среднем пальце левой сиял перстень, лазоревый камень в нем был – с перепелиное яйцо.

– Это – стиль, так велено, – объяснил спаситель, глядя, как Антон на него таращится. – За него большие деньги плачены. Мы и в баню с вениками ходим, и медовуху пьем. Все по уму. А теперь, соколик ты мой сизокрыленький, давай вспоминай, куда флешечка подевалась.

– Флешку Миха мне точно давал на сохранение... – и Антон рассказал ночные приключения. – А потом я бросил ее в окошко, он поймал и убежал. Мне-то она на кой?

– Одноклассник, говоришь?

– Одноклассник.

– А школа – которая?

– Сорок седьмая.

– Это где же?

– Напротив памятника Семенову.

– А, понял. Такая дурацкая, с колоннами?

– Она самая.

– Ты тут всегда жил?

– Как из роддома привезли.

– Ага... – спаситель задумался. – И Майкл где-то поблизости жил?

– А он – в пятиэтажке возле трамвайной остановки. Там внизу аптека...

– Понял. Дай-ка ручку и бумагу.

В Антоновом хозяйстве, кроме туалетной, бумаги не вошло – на кой она? – а ручку отыскивали в ящике кухонного стола. Гость на уголке газеты с кроссвордами набросал план местности. Миха и Антон в те блаженные времена жили в одном квартале, только на противоположных углах, и, бегая друг к другу дворами, пересекали этот квартал по диагонали. Это и требовалось гостю.

– Вот тут Майкла подняли, – он ткнул авторучкой в середину квадрата. – Флешечки при нем не было. Значит, коли ты не врешь, он от нее избавился где-то здесь...

Авторучка обозначила отрезок от въезда в детсадовский двор до старых гаражей.

– Выходит, так... – согласился Антон. – Но какого лешего ко мне эти две гадины прицепились? С чего они взяли, будто Миха флешку у меня оставил?

– Мурочки?

– Они же флешку у меня искали! Или нет?

– Так мурочки-то в этом дельце сбоку припека! – загадочно объяснил гость. – Это наши разборки с вампами. Договор два года готовили. У них там сэр Роджер – умнейшая голова! Его не надуришь... По Интернету-то присылать опасно – ня-

мищи поганые могут отловить, а документ важнейший! Вот гореловские вампы к нам проект договора с Майклом послали. Дружок твой у вампов на хорошем счету был, да... уже лет шесть, как завербовали... боец был, боец!.. Мы выходили его встречать, но он на нямов нарвался, удирал от них, заскочил к тебе. И нямы его караулили до самого утра. Кто ж знал, что они теперь света не боятся? И выпили, и съели... И вот теперь вопросец отменный: это нямы мурок подослали флешечку у тебя забрать, или мурки свою игру завели? А, соколик?

– Я откуда знаю?!

– Да, знать тебе неоткуда, – согласился гость. – Но я так гляжу, ты в этом дельце споспешествовать нам можешь. Предлагаю уговор – ты вот тут, на этих задворках, помогаешь отыскать флешечку, а мы тебе за это – золота три червонца и охранный талисман, чтобы никто из конгрегации тебя никогда и пальцем не тронул, а не то чтобы выпить. Работенка с тебя потребуется небольшая, и днем ты там, на задворках, можешь шастать безопасно, а три червонца на дороге не валяются. Найди флешечку! Ведь, коли мурки за ней прибежали, то, статочно, нямам она не досталась?

– Кто такие нямы? – наконец догадался спросить Антон.

– Мерзость и гадость, – сразу ответил гость. – Узнать их легко – они все время бормочут что-то вроде «ням-ням-ням». Вампы – племя древнее и почтенное, они пьют понемногу, все не выпивают, отпускают человека. А нямы –

и кровяную всю высосут, и еще печенкой закусят. Вот те и «ням-ням-ням»! Думаешь, что они сделали с Майклом? Он – вамп, его кровь им не по вкусу, так удавили и печенку сожрали, сволочи!

– Ни фиги себе нямы... – пробормотал изумленный Антон.

– Они хотят, чтобы их нямпирами называли. А сами – людоеды! Им не энергия нужна, а печенки кус! Энергия, соколик, она в крови... А им кровь – ну, как тебе пиво, – объяснил гость. – Они от нее балдеют, и ничего кроме. Ну, больше тебе про сволочей и знать незачем. Довольно того, что они дружка твоего... Ну?

– Что – ну?

– Соглашаешься на три золотых червонца и талисман?

– Соглашаюсь! – заорал Антон.

– Вот и славненько! Сегодня же пойдешь и поищешь все давние Майкловы захороночки. Если он, удирая по знакомой местности, понял, что – беда, то ведь мог в захороночку сунуть флешечку, а, соколик?

– Мог! Я что, спорю?! – Антон принялся не то что ходить, а носиться по квартире, стучаясь о косяки и тормозя о стенки. – Ты что, совсем сдурел?! Ясно же сказано – буду искать! Нет, ты просто идиот какой-то!

Схватив со стола чайную кружку, Антон шваркнул ее об пол, осколки взлетели чуть не к потолку.

– Тихо ты, тихо... – зашипел гость.

– Что ты на меня орешь?! – выверился Антон.

– Ахти мне! Понял! – и гость рухнул на колени. – Прости дурака! Ох, прости! Вперед таков не буду! Говорили мне начальники: жри, Герваська, от пуза, чтоб из ушей полезло! А я, шпынь ненадобный, поклевал, как птичка! Вот и не выдержал – сам не заметил, как жрать пристроился! Прости дурня бестолкового!

– Какая птичка, что ты несешь? – в необъяснимой злобе заорал Антон.

Гость вскочил с колен и выметнулся из квартиры.

Антон еще немного пометался, матерясь и круша имущество. Потом плюхнулся на тахту, вновь ощутив невероятную усталость. Глаза его сами закрылись – и наступил черный сон без единого проблеска видений.

Этот сон длился, как потом оказалось, минут сорок. Очнулся Антон от легкого похлопывания по щеке. Приоткрыл один глаз и увидел широкую рожу недавнего спасителя.

– Простил? – с надеждой спросил тот.

– За что?..

– За то самое... Ты меня вперед не бойся! Я, к тебе идучи, буду наедаться, чтоб за ушами трещало! – пылко пообещал спаситель. – А посуду тебе новую куплю. И дверь на петли я уже посадил, и стул починил...

– А что со стулом?

– Ты его в стенку запустил.

– Я что, умом тронулся?

– Вроде того. Понимаешь, в каждом человеке есть спокойствие. Вот коли тебя комар укусит, ты его пришлепнешь и дальше живешь, так? Это оттого, что в тебе спокойствие. Это вроде вещества такого, его когда-нибудь научатся выдаивать и лекарство делать, вроде валерьянки, только куда как покрепче. Мы его попросту бромом иногда называем. А когда его в тебе нет – ты комара пришлепнешь, и заорешь, и всех поблизости гнилыми словами покроешь, и убежишь неведомо куда, и все свои беды за сорок лет припомнишь, и будешь этак чудесить, покамест в тебе новое спокойствие не вырастет. Понял? Так что прости дурака Герваську!

– А ты-то тут при чем?

– При том – мы же спокойствием питаемся. Мы оттого такие спокойные, что в нас его тройная, а то так и четверная доля.

– Кто – мы?

– Да бромпиры же... Бромпир я, Гервасий Архипович. Ты уж прости, что я ненароком из тебя спокойствие высосал. Посуду куплю, да... шкафчик на кухне уже повесил и дверную ручку заново приставил... все убытки покрою...

– Гервасий Архипович, – ошалело повторил Антон. – А почему я ничего не помню?

– Потому что не положено. Пока спокойствия нет, память сбоит или даже вовсе отключается. Управляться с ней – привычка нужна. Давай-ка я тебе постельку приготовлю. Ночного-то зрения у тебя нет, искать, значит, будешь с утра. А чер-

вонцы – вот они, на столе.

– С утра мне на смену.

Пришлось объяснять Гервасию сложный график маршруточных шоферов.

– Значит, поменяйся с кем-нибудь, нешто три червонца того не стоят. Купи дежурство, что ли, – посоветовал бромпир. – Ты еще поучись спокойствие в себе выращивать. Наука несложная, а пригодится. Я тебе преподам. Спокойному и врать сподручнее, никто про вранье не догадается.

– Нет, с утра я за руль сяду. Днем с ребятами побазарю, высвобожу себе послезавтрашний день.

– Уже завтрашний. Ладно, как знаешь. Тебе из-за наших дел с начальством ссориться ни к чему. А талисман я потом принесу, его еще заказывать надо. И не столь талисман, сколь коробку для него. Я-то голыми руками его брать не могу, и даже сквозь одеяло жжется. А теперь слушай, Антон Игоревич. За твоим домом наверняка следят. Мурочки хитрые, наладили дозор. Сделай так, чтобы за тобой с утра ну хоть такси прибежало, что ли. Один на улице лучше не оставайся. И сам в дом никого не пускай.

– А если они, пока меня нет, вломаются?

– Не вломаются. У тебя на кодовом замке знак Лихой Звезды. Если его не нажать – замок не откроется, а для мурок Лихая Звезда – хуже смерти.

– Точно... – Антон вспомнил четырехзначный код: три цифры и пунктирная звездочка.

– Да и нам, бромпирам, лучше за нее не хвататься.

– Но, выходит, все замки с кодом – того? Противовампирные?

– Выходит, так. Это, соколик, называется «роковая случайность» – какой-то дуралей, эту звездочку сочинивши, и не ведал, что она – талисманый знак. Ну, пойду я.

– А тебе не опасно одному ночью шастать?

– Опасно. Ну, одного-то няма я уделаю. Ну, двоих сокрушу. Вряд ли трое сюда прибегут, хотя... Мурки проклятые могла с перепугу целый корволант вызвать, если только они в этом деле с нямами заодно, а не свою игру затеяли.

– Что?

– Корволант. Летучий отряд. Хотя ты, соколик, прав...

Гервасий достал из кармана мобильник.

– Анфиска? – позвал он. – Я на Матвеевской, да... все так и есть... две мурки, будь они неладны... Кто в штабе? Ох... Хотя драмнюки – они хитрые... Скажи – пусть выйдут меня встречать. Нет, флешечки пока нет. Но мы ее, скорей всего, получим. Если не вмешаются трамы. Ну, сколько раз тебе повторять?! Трамы, я так понимаю, еще не решили, на чьей они стороне! А решат, когда поймут, кто одолевает! Что? Нет, я думаю, они за нами следят... Ну вот просто молчат и следят... С чего ты взяла, будто я их боюсь?! Проще-вай, касатка!

Антон слушал и понимал, что близится конец света – город захвачен странными и страшными тварями, они выясня-

ют отношения, жрут друг друга, и скоро даже днем опасно будет выйти на улицу.

Гервасий подошел к открытому окну.

– Вот так-то умнее будет, – проворчал он. – До трубы по карнизу – и преисправненько по ней сползу. Антон Игоревич, ты мне посвети, а потом окошко подушками заткни. И на подушках Лихую Звезду точками намалюй, ну хоть кетчупом, что ли. Тогда никто не просочится. Завтра я тебе позвоню.

– Ты знаешь мой номер? – ошарашенный событиями Антон уже во всякой мелочи видел чертовщину.

– Пока ты без памяти валялся, я с твоей мобилы на свою позвонил.

Выпроводив в окно Гервасия, Антон пошел за кетчупом и старательно изгваздал подушки. Потом заткнул разбитое окно и лег в постель. Сон долго не шел, а когда пришел – показал вампов с клыками, нямов с печенкой в зубах, мурок в сетчатых чулках и кружевных трусиках, бромпиров с балалайками, драмнюков в камуфле и трамов, сильно похожих на муравьедов.

Утром он вызвал такси и, выходя из дому, постарался внимательнее разглядеть звездочку. Оказалось, каждый луч из шести – всего четыре точки, пятая – острие, а не шесть, как он с перепугу изобразил кетчупом. Оставалось только предположить, что, как кашу маслом не испортишь, так и магию – избытком кетчупа.

На маршруте ему пришлось тяжело – в каждом плечистом детине, да еще с неприятной физиономией, он подозревал няма. Наконец догадался – ведь если Гервасий звонил с его мобильного на свой, то номер бромпира должен был остаться в памяти. На кольце, отойдя от своей машины вроде как к мусорнику, сигаретную пачку выбросить, он позвонил ночному спасителю.

– Как до своих добрался? – из вежливости спросил он.

– Ох, и не спрашивай. Нямов было четверо, я оторвался, а драмнюки меня втроем встречали. Четверка на четверку – они поворачали, но в драку не полезли.

– Они до меня днем не доберутся?

– Нет, днем точно не доберутся. На рассвете еще могут кое-как, на закате, когда солнышко уже наполовину за горизонтом, вылазят. Такой свет они терпят. Ты бди! И вот что – не все драмнюки тебя в лицо знают. Кто-то может прицепиться. Ты, соколик, продиктуй номер своей машины, я предупрежу, чтобы не связывались.

– Драмнюки днем тоже могут?!

– Так они только днем и промышляют. Ночью-то у них добычи мало. Я тебе отзвоню потом, сейчас главное – получить акцепт от Анкудина Прокопьевича и формально взять тебя под охрану.

– Так ты этого еще не сделал?! – возмутился Антон, но бромпир уже отключился.

Как Антон доработал смену – он и сам не мог понять. Каж-

дый пассажир ввергал его в трепет. Он ждал явления ужасных чудищ и внутренне был готов к драке. Но самое страшное было – когда хорошенькая шестнадцатилетняя девочка, нежнейшая блондиночка, заспорившая с ним было о сдаче с сотенной бумажки, вдруг схватилась за верещащую мобилку и сказала в микрофон:

– Да, я, да, да... Точно? Герочка, я на номер не посмотрела, но если это он... – девочка пристально глянула на Антона и выцепила взглядом приметку, отсутствие на правом мизинце крайней фаланги. – Он?! Ой, остановите вот тут, я сойду!

Тут только Антон понял, кто такие драмнюки.

Он несколько раз наблюдал в своей же машине отвратительные сцены: какой-нибудь дедок заведет с женщиной склоку из-за того, что ее мешок с продуктами ему больное колено задевает, раскочегарит бедолажку, доведет буквально до пороссячьего визга и выскакивает довольный, а женщина еще шесть остановок воздух ртом ловит и за сердце держится.

И ведь не верил же, не верил Сереге, утверждавшему, что склочный дедок или бабка – сущие вампиры, выпивающие жизненную энергию! Думал, дурацких книжек Серега читался! А оно – вон оно как...

Диспетчер Лара, видать, давно уже положила глаз на Антона. И чего ж не положить – видный и свободный, из семьи уводить не придется, пьет умеренно, в безобразиях не замечен. А Ларе тридцатник, крайний срок детей рожать. Она

и не знала, что вылезла со своей инициативой очень кстати, – ей показалось, что у Антона достаточно расстроенный и бестолковый вид к концу смены, так что атака должна быть удачной.

Лара взялась за дело просто и незатейливо – напротив командного пункта маршрутных такси, где сидели начальство, бухгалтерия, диспетчеры, а во дворе хозяйничала ремонтная бригада, был супер-пупер-гипер-маркет, закрывавшийся в полночь, так она отправилась туда и купила пылесос. А пылесос в коробке – такая штука, что женщина одна и не втащит на пятый этаж старого дома, где лифт сломался еще при Хрущеве.

Антон и квакнуть не успел, как оказалось, что он должен помочь втащить наверх пылесос. Его работа в соответствии с графиком завершалась в десять вечера, а у Лары была машина. Очень удобно для женщины заводить машину, работая среди технически грамотных мужчин, да еще под окном – неплохая ремонтная мастерская.

Ну и дальше все шло по испытанному и вековечному женскому плану: как не угостить того, кто помог, чаем и домашними котлетками, да как не налить ему рюмочку-другую, да как не пристроить свое колено поближе к его широченной лапе...

От женского внимания Антон размяк и расслабился. Но у Лары была одна проблема – женщина жила со старой, высокоморальной и въедливой матушкой. Объяснить

ей, что вот этот мужчина останется ночевать, было совершенно невозможно. Поэтому незадолго до полуночи Антон и Лара отправились пешком за три квартала в гости к Антону. Это было со всех сторон удобно – утром Лара убежала бы на работу, а Антон мог спокойно часика три поваляться, прежде чем идти искать по задворкам черную флешку.

У него уже были кое-какие подозрения, куда бедный Миха мог, спасаясь от сволочей, закинуть свое сокровище.

В глубине квартала довоенной застройки всякое можно обнаружить – чуть ли не деревенскую избу с курятником, например, или сарай без крыш, или даже склеп из бурого кирпича, без окон, но с низкой, взрослому мужику по пояс, заколоченной дверью. Вот как раз этот склеп, построенный неведомо когда и неведомо зачем, высотой примерно в полтора этажа, в свое время очень привлекал мальчишек, и они даже пытались прокопаться под дверь. При этом обнаружилось, что по крайней мере одно окно имелось, но, поскольку здание с годами основательно ушло в землю, да еще добрые люди завалили стенку мусором, то окно, явно подвальное, могли бы откопать разве что археологи. Ниша, в которой оно было, забранная сверху частой решеткой, наполовину забитой всякой дрянью, и была подходящим местом, чтобы на бегу, проскакивая впритирку к кирпичной стене, закинуть туда флешку. Только человек, знающий про эту дырку в земле, мог бы догадаться сунуться туда.

Хотя Антону и предстояла амурная ночь, но он никак

не мог отделаться от соображений по поводу флешки. Лара что-то говорила, он что-то отвечал, но перед глазами был кирпичный склеп, и вот ведь диво – как тогда, в детстве, мальчишки не знали, на кой эта странная штука, если смотреть сверху – квадратная, с выложенными из половинок кирпичей немудреными узорами на стенках и подобием колонн с фальшивыми окнами меж ними, заложенными все тем же кирпичом, так и теперь взрослый дядька, много чего повидавший, не мог понять смысла этого сооружения.

– Вот и пришли, – сказала Лара. – Какой у тебя код?

Антон молча вдавил три кнопки, отворил дверь, и тут Лара взвизгнула:

– Ай!

Антон сперва втолкнул женщину в дом, потом ввалился сам и закрыл дверь. Только тогда он спросил:

– Ты что, Лар? Что ты там увидела?

– К нам двое бежали, – ответила она. – По-моему, с ножами... Ой, Тошенька, я боюсь!

С тем и кинулась Антону на шею.

– Сейчас разберемся, – буркнул Антон. – Поднимемся наверх и посмотрим из-за шторы, что это за двое с ножами.

– И вызовем полицию!

– Понадобится – вызовем, – согласился Антон, хотя и не хотел объяснять полицейским про нападение нямпиров, жрущих печенку.

Наверху Лара очень удивилась, увидев разбитое окно, за-

ткнутое двумя подушками.

– А другого ничего не нашлось? – спросила она. – Можно же было пленкой затянуть, ну, клеенкой...

Ох, забыл Антон, забыл женские повадки. Даже самая отпетая бездельница и неряха, попав в дом к мужчине, на которого имеет виды, сразу норовит показать себя отменной хозяйкой. И без спросу принимается хозяйничать.

Он сам как раз был хорошим хозяином. Порядок поддерживал естественно, без авралов. И, впустив в квартиру женщину, решил заглянуть в ванную – взять баллон с освежителем, побрызгать в сомнительных местах, заодно повесить свежее полотенце – Лара наверняка захочет принять душ.

А делать этого не следовало.

Гостя вздумала показать будущему супругу, как на самом деле нужно обходиться с разбитым окном, пока не вызван стекольщик. На кухне она мигом нашла все необходимое. Антон был настолько практичен, что покупал клеенки вдвое больше, чем нужно на столик, и клал ее в два слоя, когда протрется – складывал пострадавшим местом вниз. Лара обнаружила это, обрадовалась и ножом отхватила столько, сколько требовалось для окна. В ящичке отыскалась коробку с кнопками. Пока Антон пшикал в ванной и туалете, Лара выдернула из окна изгвазданные кетчупом подушки. И напрасно...

Когда Антон, услышав крик, вбежал в комнату, подружки уже не было. На полу валялись подушки.

То, что он произнес, мало годилось для раута у английской королевы. Но других слов ситуация не заслуживала.

Немедленно заткнув окно подушками, Антон позвонил Гервасию Архиповичу.

Бромпир отозвался не сразу – возможно, ужинал.

– Ох ты ж зараза! – сказал он, узнав о беде. – Ну, значит, соколик мой, они ее тебе пообещают в обмен на флешечку. Что ж ты, дурень, потерпеть не мог, пока мы все от тебя отвяжемся? Вот прям вынь да положи?

– Да как-то оно само вышло...

– И верно дедушки сказали – один дурак бросит камень в воду, семерым умным вытаскивать... Значит, я доложу Анкудину Прокопьевичу. И будем решать... А ты, соколик наш сизокрылый, пока их, нямов окаянных, за нос води, все им обещай! Хоть флешку, хоть черта в ступе! И торгуйся! Они, нямы, тупые, но хитрые. Чтоб не вышло, что ты им флешку отдал, а они тебе – твою дуру в виде супового набора.

Антону чуть не поплохело.

– Сиди, жди, ничего не бойся, ты им пока что живой нужен, – продолжал бромпир. – Вот потом... да, потом... впрочем, может, и обойдется...

– Да что ж ты такое говоришь, сукин ты сын?! – вдруг заорал Антон. – Да я тебя по стенке размажу с твоим Анкудином вместе!

И треснул во всю дурь кулаком по столу.

Столешница развалилась надвое, все полетело на пол.

– Убью, убью, всех убью! – рычал Антон, озираясь, что бы еще покалечить.

– Стой, стой! – осознав ситуацию, завопил Гервасий Архипович. – Сядь, кому говорю! Сядь и буркалы затвори!

– А пошел ты!..

– Да что ж ты за болван такой! – расสวิрепел бромпир. – Знаешь же – со мной разговариваешь! Так и не моги волноваться! Дырку для меня открытой не держи! Все! Отключаюсь!

Четверть часа Антона носило от стенки к стенке. Потом звонил телефон. Полагая, что это Гервасий Архипович, Антон выпалил все, что думает о бромпирах, единой фразой, злобной и заковыристой.

– Извини-и-ите?.. – пропел в телефоне малость гнусавый тенорок. – Вы не по де-е-елу...

– Вы кто? – сурово спросил Антон.

– Переговорщик Билли. Мне поручено произвести с вами переговоры касательно девушки.

– Так... – Антон с большим трудом взял себя в руки. – Она у вас?

– У нас. Мы предлагаем симметричное решение с адекватной компенсацией.

– Флешка нужна?

– Точнее, контент, хранящийся на носителе. Саму флеш-карту можем вернуть.

– У меня ее сейчас нет.

– Это нам известно. Вы обещали конкурирующей фирме найти ее завтра...

– Обещал.

– Ровно через двадцать четыре часа ждите звонка.

Гнусавый тенорок исчез.

– Ну вот... – сам себе сказал Антон. – Где же с утра добыть лопату?

Он не хотел тратить деньги на покупку лопаты, которая никогда в жизни больше не пригодится, и никак не мог сообразить, у кого из знакомых можно взять на пару дней такое орудие. А лопата требовалась не дурацкая пластиковая, какие уже завезли в ближайший гипермаркет в ожидании снежной зимы, а прочная, надежная и острая. Иначе к флешке, лежащей под решеткой кирпичного склепа, не прокопаться...

Опять зазвонил телефон.

– Гервасий? – буркнул Антон.

– Ты, это... баба у тебя аппетитная, – ответил незнакомый малоприятный голос. – Понял, да? Мня-мня-мня... Ну, раз понял, то чего еще рассусоливать?..

– Она у вас? – ошалело спросил Антон.

– Мня-мня-мня... где ж еще... Ну, это... завтра позволю...

Незримый нямпир отключился.

Антон уставился на развалины стола. Все было скверно и жутко.

Спокойствие, как он понял, имело вес. Когда голова и руки малость потяжелели – тут оно и пришло. Антон позвонил бромпиру.

– Ох... – только и сказал Гервасий Архипович, узнав новость. – Это нямы! Голову в заклад даю – нямы! Мурки – они говорить горазды, да все вот этак, свысока! А нямы выслеждали и до окошка добрались. Но погоди, погоди... Мы их... как это у вас говорится? Разведем мы их! Понял, соколик? Сиди, жди звонка!

– Погоди, не пропадай! – воскликнул Антон. – А если все-таки мурки?

– Мурки – они гламурчики, лапки пачкать не любят. А выкрасть бабу – это ж такая возня... Нямы, точно тебе говорю. Но ты не ложись, кукуй, пока не позвоню! Вот что – я к тебе Анфиску пошлю. Она баба в теле...

– Не надо ко мне никого слать!

Антон перепугался – ему только не хватало спутаться с вампирхой, или бромпирхой, или еще с какой нечистью.

– Да она тебя охранять будет.

– Не надо меня охранять! Сам себя охраню!

Тем разговор и кончился.

Естественно, сразу уснуть Антону не удалось. Беспокойство, стоило закрыть глаза, подсовывало страшные картинки: бедная Лара, окруженная злобными чудовищами, в разных позах и при разном освещении. Нямпиры представлялись Антону головастыми мужиками, в плечах – как трех-

дверный шкаф, с лягушачьими ртами и зубищами – как пуля калибра семь шестьдесят два. Выругавшись в шестой, не то седьмой раз, Антон встал с постели и взялся чинить стол. Затея была почти безнадежная, но у припасливого мужика нашлись куски фанеры, и к пяти утра что-то вроде получилось. Тут усталость его и сморила.

А в половине девятого начались звонки.

Нямпиры, глампиры и Гервасий Архипович желали знать, отчего Антон еще не бродит по задворкам в поисках флешки. Он бы охотно послал нечисть в известном пешеходном направлении, если бы не Лара. Пришлось, залив в себя три чашки чернейшего кофе, двигаться на поиски лопаты. Подходящая нашлась в садово-огородном ларьке на рынке. Антон, подивившись дороговизне, купил ее, прихватил дома фонарик и отправился исследовать склеп.

Бедный Миха теоретически мог пробегать мимо склепа и забросить флешку в дыру у стены. Но Антон давно не шастал в тех краях. Оказалось, что к кирпичной стене приросла здоровая куча мусора. Если на нее залезть, то можно было увидеть внизу что-то вроде решетки. Помянув подходящим словом всех участников этой истории, Антон взялся за лопату. Куча оказалась гадкой и вонючей, и на то, чтобы раскидать ее, ушел час. Наконец образовалось место, чтобы добраться до решетки, поддеть ее и выломать. Но тут возле склепа образовалась баба Рая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.